

Н.Б. Мединская

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ДОСТОЕВСКОВЕДЕНИИ

Томский государственный педагогический университет

В современном американском литературоведении очень высок интерес к русской культуре и литературе. Литературоведение в США сегодня интерпретирует творчество и личность того или иного писателя, опираясь как на традиции русского литературоведения, так и на многочисленных европейских посредников. Для американской русистики характерен религиозно-философский подход, генетически связанный с русской религиозно-философской критикой рубежа веков.

Эти особенности интерпретации творчества русских классиков характерны и для одного из наиболее выдающихся современных исследователей Достоевского в США, профессора Йельского университета Роберта Луиса Джексона. Он является автором нескольких книг о русском классике, наиболее значимые из которых: «Подпольный человек Достоевского в русской литературе» (1958), «Поиск формы у Достоевского. Исследование его философии искусства» (1966), «Искусство Достоевского. Бред и ночные видения» (1981) и «Диалоги с Достоевским. Насущные вопросы» (1993). Особое внимание я сосредоточиваю на «Диалогах с Достоевским», книге, которую я перевела на русский и которая впервые вводится мною в современный литературоведческий оборот. С моей точки зрения, в ней осуществляется синтез американской и русской культур, и, в частности, на ее материале интересно посмотреть, как Джексон, анализируя творчество Достоевского, активно опирается на традиции русской религиозно-эстетической мысли. Книга демонстрирует, насколько актуальны традиции русской религиозно-эстетической мысли для американского литературоведения сегодня, ведь эти традиции объединяют различные типы цивилизаций единым духовным стержнем. И в этом я вижу значение последней книги Джексона.

Для Джексона любимым произведением являются «Записки из Мертвого дома», а любимой фразой в нем: «Действительность стремится к раздроблению», и это не случайно. Эти слова Джексон интерпретирует как «невозможность упрощения или сведения действительности к категориям или типам». Эта фраза раскрывает для Джексона всю философию искусства Достоевского. «Хаос стучится в двери его искусства, и именно угрозу хаоса мы ощущаем, мы, живущие в глазу тайфуна», - пишет

Джексон в своей книге «Завещание Достоевского». Достоевский близок Джексону прежде всего как христианин, и именно он является тем главным религиозным философом, с кем ведет диалог Джексон на протяжении всей книги. Но сейчас мы постараемся выяснить, каким образом религиозные традиции восточного и западного христианства (в лице Джексона) дополняют друг друга.

Известно, что русская философская мысль концентрируется на антропософии и включает в себя литературу как один из характерных компонентов, определяющих ее особенности. Другая особенность русской религиозной философии в ориентированности на целостный методологический подход. Последнее принципиально важно для Джексона; именно в русской религиозной философии смыкается философия, эстетика и поэтика; именно отсюда возникает феномен подхода Джексона к русским религиозным философам и литературным критикам.

Что же это за феномен? Говоря о Достоевском, Джексон опирается на традиции русской религиозной философии и эстетики XIX-XX вв. Это Розанов, Бердяев, Мережковский, Вяч. Иванов, Вл. Соловьев. Но исследователь использовал этот материал в подавляющем большинстве случаев как материал литературной критики: имя Розанова возникает при анализе творчества Гоголя, о Мережковском и Бердяеве Джексон говорит в связи с творчеством Тургенева, и т. д. Вся неординарность мысли и подхода Джексона проявляется в том, что он обращается к «традиционным» философам как к литературным критикам, а к «традиционным» литературным критикам В. Иванову и М. Бахтину как к религиозным философам, демонстрируя, таким образом, суть своей исследовательской позиции как установки на высший синтез философии, эстетики и поэтики.

Вообще, русская религиозная философия пронизывает всю книгу Джексона, начиная уже с Введения. Но на этом фоне как ключевые в понимании Джексоном Достоевского предстают перед нами фигуры Вячеслава Иванова и Михаила Бахтина. И тот, и другой воспринимаются Джексоном прежде всего как религиозные философы. В гл. 14 книги «Диалоги с Достоевским» «Видение его души: Достоевский Вячеслава Иванова» Джексон про-

слеживает путь Иванова как религиозного философа, подчеркивая его холистический подход к Достоевскому и то, что «его книга открыла путь к новому пониманию старых истин». В гл. 15 «Поэтика Достоевского в видении Бахтина и провозглашение религиозной веры Достоевского» Джексон утверждает, что «исследование религиозной философии Достоевского хотя фактически находится на периферии интересов Бахтина, по существу составляет невидимый центр его исследований», причисляя таким образом Бахтина к религиозным философам.

Причем и Иванов, и Бахтин в подходе к Достоевскому использовали широчайший контекст **мировой культуры**. В отношении Иванова Джексон указывает на это в своей статье «Гуманизм Иванова: «Переписка из двух углов». Книга Иванова глубоко созвучна убеждениям и мыслям Джексона-религиозного философа и Джексона-интерпретатора Достоевского. В этом произведении воплотилось видение Ивановым национальной идеи во взаимосвязи с общечеловеческими ценностями. Точно так же, как в «Записках из Мертвого дома», произведении, которое Джексон считает основополагающим текстом Достоевского и которому он посвятил не менее шести статей, «столкновение с торемной стеной приводит к остановке, и дальнейшее движение возможно уже только вдоль иной оси, которая, в прочтении (Джексоном) чаще всего пролегает в аллегорической плоскости», «Переписке из двух углов» ограниченное пространство комнаты санатория приводит ее обитателей (Гершензона и Иванова) к глубочайшим философским выводам. В образе квадрата комнаты, разделенной по диагонали на два угла, Джексон видит метафору мировой культуры и человека. На протяжении шести писем Иванов доказывает преемственность культуры и непреходящую ценность памяти. Поэтому он критикует анархический бунт Гершензона против культуры и провозглашает свой религиозный оптимизм. Эта связь Ивановым религиозной философии с проблематикой культуры очень импонирует Джексону.

«Мало ли сколько планиметрических чертежей и узоров возможно начертать на горизонтальной плоскости, - пишет Иванов Гершензону. - Весь смысл моих к Вам речей есть утверждение вертикальной линии, могущей быть проведенною из любой точки из любого «угла», лежащего в поверхности какой бы то ни было, молодой или дряхлой, культуры. Но сама культура, в ее истинном смысле, для меня вовсе не плоскость, не равнина развалин или поле, усеянное костями. Есть в ней и нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем лике отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщаются к этим посвящениям!» [1, с. 137].

По мнению Джексона, в слове «память» - основа понимания Ивановым культуры и значения жизни на земле. Для Иванова, как и для Достоевского, потеря памяти означает статичное видение вселенной и, в конечном итоге, моральную и духовную смерть. Культура подразумевает культ предков и конечно, их возрождение. Культура строится на руинах и на уважении к руинам. И для Иванова, и для Достоевского (а в конечном счете и для Джексона) важно, что память, «глубокое проникновение в русскую и европейскую цивилизацию» является путем к «воздействию на настоящее» и путем «основания новой соборности», иными словами, для них **память и культура являются путем к воскресению**.

Книга Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» также рассматривает писателя в контексте мировой культуры. Бахтин связывает творчество писателя с традициями европейского авантюрного романа и прослеживает источники этого жанра в античной литературе, в «сократических диалогах» и «Менипповой сатире».

Бахтин и Иванов являются теми мыслителями, которые, по мысли Джексона, реально совместили в себе две основные тенденции в подходе к Достоевскому, актуальные сегодня - это религиозно-философская интерпретация и компаративистика, задающая контекст мировой культуры. И именно поэтому позиция этих двух мыслителей является для понимания Джексоном Достоевского наиболее плодотворной. Именно опираясь на нее, можно обрести и целостную позицию самого Достоевского.

Однако особого анализа требует специфическое сопоставление Иванова и Бахтина, проделанное Джексоном. В свое время сам Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского», говоря о принципе «монологизма» как основном принципе критической литературы о Достоевском, называет имена таких русских религиозных философов, как Розанов, Вольнский, Шестов и Мережковский. Однако он особо останавливается на таком «монологисте», как Иванов, поскольку последний, с его точки зрения, впервые показал основную структурную особенность поэтики Достоевского - утверждение чужого сознания как субъекта, принцип «ты еси». Монологизацию чужого «я» Бахтин считает важной методологической ошибкой Иванова, поскольку последний сосредоточивается на содержании, не принимая во внимание форму. И в своей книге Бахтин ставит задачу анализа формы, плана поэтики Достоевского, задачу, которая определила методологию изучения Достоевского сегодня.

Но современное достоевковедение как в США, так и у нас все больше убеждается, что раскрытие поэтики, формы не позволяет выйти к целостной авторской позиции Достоевского. Отсюда и «по-

стбахтинское» направление, которое уже на новом уровне обращается к проблеме целостной позиции Достоевского как к проблеме конечного содержания его произведений; отсюда и активное обсуждение сегодня проблемы Достоевского как «диалогиста» или «монологиста», начатое самим Бахтиным, в частности, в его отзыве об Иванове.

Новаторство Джексона как «постбахтиниста» в том, что он от методологии Бахтина переходит к опыту Иванова как религиозного философа, раскрывшего метафизическую религиозную позицию Достоевского. Методология «диалогиста» Бахтина, сосредоточенная на анализе поэтики, «прорастает» позицией «монологиста» Иванова, ищущего целостную авторскую позицию писателя и видящего его творчество в синтезе.

Итак, ход Джексона в понимании Достоевского: опираясь на методологию Бахтина, не назад, а вперед к Иванову. За интерпретацией Бахтина как религиозного философа кроется потребность Джексона в новой интерпретации Достоевского как художника целостной авторской позиции. Отсюда внимание Джексона к образу как воплощению целостности художнического восприятия действительности в отличие от слова, не несущего конечного монологического смысла. Фраза Достоевского из «Записок из Мертвого дома» о «действительности, стремящейся к раздроблению», (несколько раз приводимая Джексоном в книге) воплощает для Джексона полифонию Бахтина, невозможность достижения конечных смыслов. Однако слова Достоевского из дневника 1864 г. «человек на земле стремится к идеалу, противоположному его натуре» приводятся в «Диалогах ...» не менее семи раз, и это не случайно. Именно здесь мы видим проявление целостной авторской позиции Достоевского. важнейшим компонентом которой является эстетический аспект, воплощенный в образе, в конечном счете - в образе Христа. Итак, слово у Джексона уступает место образу, диалог - монологу, несущему конечный метафизический смысл.

Вячеслав Иванович Иванов, поэт, теоретик русского символизма, филолог-классик, историк, переводчик, и, наконец, религиозный философ – «поистине фигура эпохи Возрождения». Ему полностью посвящена гл. 14 книги «Видение его души: Достоевский Вячеслава Иванова», а также часть гл. 15 о Бахтине. Джексоном глубоко импонирует холистический подход Иванова к Достоевскому. А. Л. Доброхотов в своей статье об Иванове в книге «Русские философы» [2, с. 218] тонко подметил, что научные работы Иванова «... обнаруживали возможности синтеза умозрения и откровения», в то время как Джексон также воспринимает Достоевского в синтезе русской (откровение) и западной

(умозрение) традиции. Иванов считал исторической необходимостью и своей личной задачей сближение и соединение восточного и западного христианства. «Церковь должна дышать обоими легкими», - говорил Иванов.

Может быть, отсюда и христианское начало у Джексона. Джексон - христианин, но он религиозен не канонически. Строгий религиозный канон утверждает лишь одностороннюю зависимость человека от Бога. Широкая же христианская позиция, напротив, утверждает двустороннюю связь: мы зависим от Бога так же, как и он зависит от нас (Иисус был и Богом, и человеком). И название книги «Диалоги с Достоевским» несет двойную смысловую нагрузку - это и дань Бахтину, но и провозглашение своего мировосприятия. Об этой двусторонней зависимости говорит одна из любимых цитат Джексона из Достоевского: «Человек на земле стремится к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, т. е. не принесил любовь в жертву своего я людям или другому существу, он чувствует страдание и назвал это состоянием грехом...»

Актуальность учения Иванова как религиозного философа, предопределившего во многом постбахтинское прочтение Достоевского, сегодня неоспорима. Джексон как представитель постбахтинского направления сочетает в своей интерпретации Достоевского и всей русской литературы внимание к микрообразу, слову (традиция Бахтина) с выявлением его конечных религиозно-философских смыслов (традиция Иванова). Идея неотделимости идеала (красоты) от его воплощения (Христа) для Достоевского является эстетической, пишет Джексон. «Полезность» произведения (его моральный элемент), по мысли Джексона, неотделима от эстетического элемента, от формы. Смешного человека вдохновляет не абстрактная идея или идеал прекрасной жизни, но видение живого образа. Именно в образе, по Джексоному, сливаются воедино эстетический и религиозный элементы. В конечном итоге художественное и религиозное видение для Джексона одно и то же видение.

Джексон утверждает, что морально-эстетический спектр Достоевского начинается с образа воплощения красоты и кончается безобразием буквально, тем, что не имеет образа, уродством. Человек получает удовольствие от безобразия, от жестокости, насилия, и, прежде всего, чувственности. Джексон рассматривает понятие безобразия с эстетической точки зрения как деформацию идеальной формы (образа). Поскольку Бог создал человека по своему образу, то все насилие против человека является дегуманизацией, деформацией божественного образа.

Чувственное безобразие Джексон считает той центральной областью в творчестве Достоевского, в которой человек уродует и себя, и свой идеал. «Насилие над другим - это одновременно и насилие над собой, это потеря образа, формы, человечности».

Таким образом, эстетика Достоевского через микроанализ «образ-безобразия» тесно связывается Джексоном с этикой и религией.

Книга «Диалоги с Достоевским» начинается с глав, где Джексон рассуждает о различных проявлениях насилия, а заканчивается монологом Алеши у камня Илюшечки. И это не случайно. Это своего рода антитеза «образ-безобразия», «гуманность-дегуманизация», девиз Достоевского о «стремлении к идеалу, противоположному натуре», воплощенный в книгу о Достоевском.

Вот уже второй век творчество Достоевского вызывает споры литературоведов всего мира, в том числе и в США. О сложности интерпретации русского классика образно сказал Джексон в статье «Дмитрий Карамазов и «Легенда»: «Нужно приложить грандиозные усилия, чтобы преодолеть первичное впечатление неясности, сопровождающее первое прочтение (и не только первое) Достоевского. Ткань его идей так плотна, что производит впечатление черноты. Требуется немало времени, прежде чем «узор на ковре» станет видимым, но именно в тот момент, когда он становится видимым, возникает опасность. Нам так хочется определенности, мы так плохо приспособлены к диалектическому мышлению (из-за его угрозы стабильности), что мы останавливаемся там, где нам следует двигаться дальше; загнипнотизированные «узуром на ковре», мы с жаром проповедуем его. Такова история большей части критики Достоевского... При прочтении Достоевского существует постоянное искушение подчинить всего Достоевского той или иной истине: например, слышать Алешу, а не Ивана, быть под впечатлением Христа и не принимать в расчет Великого Инквизитора, короче говоря, слышать «одну ноту» [3, с. 257].

Анализ тенденций американского достоевсковедения за последние 20 лет позволяет сделать вывод, что, наряду с фрейдистским, феминистическим и

биографо-историческим направлениями, исследующими отдельные аспекты творчества писателя, большую роль играет методология Бахтина, исследующая проблемы поэтики, специфики Достоевского-художника. Однако как американское, так и русское достоевсковедение сегодня все чаще осознает недостаточность собственно бахтинской методики для решения проблемы целостной авторской позиции Достоевского. Бахтин показал, что у Достоевского нет конечных ответов, но настоящая потребность в них порождает постбахтинское направление, стремящееся на новом уровне, опираясь на бахтинский анализ поэтики, выйти на новый, холистический уровень постижения универсума русского классика. И сам Бахтин как на Западе, так и у нас перестает быть только литературным критиком, он предстает религиозным философом.

Поэтому творческая перспектива постбахтинского направления, которое не замыкается в себе, а использует также компаративистский и религиозно-философский подходы к Достоевскому, определяется тем, что именно сочетание данных методов позволяет подойти к писателю в синтезе, и прежде всего как к художнику. Ведь только так можно и увидеть всю сложность «узора на ковре», и услышать в какофонии полифонии «бесконечного диалога» не только «одну ноту», но лейтмотив, определяющий все творчество Достоевского.

Современное американское достоевсковедение убедительно демонстрирует: во-первых, понимание Достоевского сегодня действительно требует привлечения широчайшего контекста всей мировой культуры, философии и литературы, иначе выйти к полноте понимания смыслов творчества Достоевского просто невозможно. Во-вторых, стремление постбахтинского направления США обрести целостную авторскую позицию Достоевского в рамках христианской эстетики представляется не только адекватным неким сущностным особенностям творчества писателя, но и предельно актуальным для современной философской и эстетической мысли как США, так и России. Поэтому концепция Достоевского как религиозного художника представляется значимым ответом на многие «насуущие вопросы» современной культуры.

Литература

1. Иванов Вячеслав И. Переписка из двух углов. В. Иванов и М. Гершензон // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
2. Доброхотов А.Л. Вячеслав Иванов // Русские философы. М., 1993.
3. Jackson R. L. Dmitrij Karamazov and the «Legend» // The Slavic and East European Journal. Vol. IX. № 3. 1965.